

Алевтина Лавриненко

Об утраченном лексическом родстве русского и польского ЯЗЫКОВ

Studia Rossica Posnaniensia 27, 233-242

1996

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ОБ УТРАЧЕННОМ ЛЕКСИЧЕСКОМ РОДСТВЕ РУССКОГО И ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКОВ

ON THE LOST LEXICAL RELATIONSHIP BETWEEN RUSSIAN AND POLISH

АЛЕВТИНА ЛАВРИНЕНКО

ABSTRACT. Three layers of common vocabulary in the cognate languages are envisaged in the paper: the upper (or revealing) layer, and lower layers (unrevealing and lost). The cognation of the words of the unrevealing layer may be found at the root level – through the reconstruction of old radix morphemes and the observation of derivative fields of these morphemes.

Alewtina Lawrinienko, Wyższa Szkoła Pedagogiczna, Instytut Filologii Rosyjskiej, ul. Rejtana 16 B, 35-959 Rzeszów, Polska – Poland.

Сравнительное изучение лексического фонда генетически родственных языков позволяет выявить минимум три слоя общей лексики: верхний (открытый) и нижние слои (с родством скрытым и родством утраченным). Верхний, или открытый, слой общей лексики содержит слова, идентичность которых видна, так сказать, невооруженным глазом: *more – morze, sestra – siostra, писать – pisać* и т.д. В нижних слоях родство скрытое определяется на корневом уровне. Радикальные морфемы обычно находятся в связанном виде, далеко не всегда четко проступают. Для определения родства слов, находящихся в состоянии скрытой генетической близости, требуется обычно лингво-исторический анализ, реконструкция корневого архетипа, определение корневых вариантов и связанных с ними деривационных полей.

К скрытому родству русского и польского языков относятся, например, польское *ruch* и русские *разрушать, рухлядь*; польские *uturzać, hurt* и русские *нырять* (можно добавить сюда и слово *нора*); польское *trzeba* и русские *потребитель, употреблять, требовать*; польское *rosiąg* и русские *тягач, тягать*; польское *sprzątać* и русские *прятать*, польское *blazen* и русские *соблазн, соблазнять* и т.д.

Что же собой представляет утраченное лексическое родство языков?

Ответ на этот вопрос предполагается следующий: это такой лексический слой, который когда-то был общим для сравниваемых языков, но в процессе исторического развития в одном из языков утратился, а в другом сохранился. Возьмем, к примеру, несколько слов: *адамашка, алтабась, антадь, близна, бросквина, вече, врѣти, вѣжа, вѣно, валка, въркочь, вѣсь, гоить, гомола, ирха, касторъ, клейнодъ, кончар, кустодиа, къметь, лайба, лядвея, мальга, мурин, обьльый, пазногъть, пятро, плуча, перун, рота, слота, смок, убрус, фокка, цевить, яспис*. Из приведенных слов некоторые, конечно, хоть в качестве архаичных слов, но известны: *вече* – историзм, означающий народное собрание в древнем Новгороде или Пскове; *Перун* – название славянского языческого бога грома и молнии. Может, кто-то из тех, кто владеет украинским языком, например, поймет сразу, что слово *близна* означает „шрам, рубец на теле”; слово *вѣжа* означает „башню”, слово *гоить* значит „живить, заживлять”... Подавляющее же большинство приведенных слов обычному среднестатистическому жителю, носителю русского языка, будут неизвестны и непонятны. А ведь эти слова взяты из трех словарей: из *Материалов для словаря древнерусского языка* И. И. Срезневского, из *Словаря староцерковнославянского и русского языка 1867-1868 гг.* и из *Толкового словаря*... В. И. Даля. Значит, все перечисленные слова были, существовали, функционировали, но ушли из русского языка, утратились, что является естественным процессом языкового развития.

А теперь обратимся к современному польскому языку и еще раз сравним с указанными русскими утраченными словами.

Современное польское:

Утраченное русское:

Adamaszek – „ткань”;

Адамашка – одноцветная шелковая ткань, которая привозилась из Дамаска;

Antał – „бочонок”;

Анталь – бочонок венгерского вина;

Altembas – „парча”;

Алтабась – персидская парча, парча особого рода, шелковая с золотом;

Blizna – „рубец, шрам”;

Близна – рубец, шрам;

Brzoskwinia – „персик”;

Бросквина – персик;

Wiec – 1) „митинг”,

Вече – ист. вече;

2) ист. „вече”;

Wiano – „приданое”;

Вѣно – приданое;

Wrzeć – „кипеть”;

Врѣти – кипеть;

Wieża – „башня”;

Вѣжа – башня;

Warkocz – „коса”;	Въркочь – женская убранный коса (по определению И. Срезневского);
Walka – „борьба, бой”;	Валка – война;
Wieś – „деревня, село”;	Всь – деревня, село;
Gomoła – „ком”;	Гомола (гомула) – ком, комок;
Goić się – „заживать, заживлять”;	Гонть – живить;
Ircha – „замша” (слово, уходящее из активного состава);	Ирха – выделенная козлиная или овечья шкура наподобие замши;
Kastor – уст. „бобровый”;	Касторовый – „будто бы из бобрового пуха” (В. Даль). В литературе XIX в. часто встречается выражение „касторовая шляпа”, т.е. „фетровая шляпа”;
Kastorowy – „фетровый”;	Кончар – прямое оружие с длинным трехгранным или четырехгранным клинком;
Koncert – „тяжелый длинный меч”;	Кустодна – охранник;
Kustosz – „хранитель”;	Кметь – витязь;
Kmieć – „крестьянин”;	Клейноды – предметы державной, царской власти;
Klejnot – 1) „драгоценность, сокровище”, 2) уст. „дворянский герб”	
Lajba – „презрительное название судна”;	Лайба, лойва – большая чухонская (т.е. финская) лодка. По данным И. Срезневского, так называлось судно у древних немцев, новгородцев и корел;
Lędźwie – „поясница, бедра, чресла”;	Лядвья – верхняя часть ноги;
Malgiew – „песчаная ракушка”;	Мальга – 1) „лепешка” в сибирских говорах, 2) все маленькое;
Murzyn – „негр”;	Мурин – темнокожий человек, бес;
Obły – „округлый, овальный”;	Обылый – круглый, толстый, неуклюжий;
Raznokieć – „ноготь”;	Пазногъть – копыто, коготь, ноготь;
Piętro – „этаж”;	Пятро (пятерь) – навес крыши, помост выступом, балкон;
Płuco – „легкое”;	Плюча (плюща) – легкое;
Piorun – „молния с громом”;	Перун – молния (а также имя бога). Еще у М. Ломоносова встречаем: Кругом его из облаков гремящие пе-

Rota – „присяга”;	руны блещут.
Słota – „ненастье”;	Рота – присяга;
Smok – „дракон”;	Слота – ненастье;
Obrus – „скатерть”;	Смок – дракон, змей;
Cewka – „шпулька, бобина, трубочка”;	Убрус – полотенце;
Jaspis – „яшма” ¹ .	Цевка – катушка, на которую наматывают пряжу. Цевница – свирель, флейта, трубочка.
	Ясписъ – яшма.

Как видим, сопоставление слов современного польского языка и утраченных слов в русском языке свидетельствует о том, что это был когда-то единый пласт лексики, в котором наступил разлом. В русском языке эта часть лексики как бы смылась волной новых слов, ушла, погрузилась на дно языковой системы. В польском же языке эти слова продолжали и продолжают сейчас (в массе своей) существовать и развиваться. Однако утрата названных и множества других слов русского языка не представляет собой какой-то синхронный, одноразовый сдвиг в лексике. Это не был лингвистический катаклизм, в результате которого часть лексики, как Атлантида, ушла в глубину языковой системы. Скорее это можно представить как отрывающиеся один по одному камешки от общего огромного образования.

Представленные в последующем нашем изложении примеры были проверены по ряду исторических и этимологических словарей². Накопленный словарный материал свидетельствует о том, что, например, слова *фока* – „тюлень”, *въркочь* – „женская коса”, *смокъ* – „дракон, змей” фиксируются только *Словарем* И. Срезневского, то есть, надо полагать, что они относились к достаточно древнему слою лексики русского языка и – шире – общей лексики сравниваемых языков. По И. Срезневскому, *фока* – это заимствование из греческого языка (СС, III, 2, 1356). А. Брюкнер этого слова не рассматривает совсем. М. Фасмер приводит его с указанием, что оно встречается только в древнерусском языке, в Палее XIV века (Ф., IV, 201).

¹ Все примеры взяты из *Большого польско-русского словаря* Д. Гессена и Р. Стыпулы, т. I-II, Москва-Варшава 1979 (сокр.: БПРС).

² А. Brückner, *Słownik etymologiczny języka polskiego*, Warszawa 1985 (сокр. Вр.); В. И. Даль, *Толковый словарь живого великорусского языка*, т. I-IV, Москва 1978-1980 (сокр.: СД); *Словарь церковнославянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии Наук*, т. I-IV, Санкт-Петербург 1867-1868 (сокр.: СЦСРЯ); И. И. Срезневский, *Словарь древнерусского языка*. Репринт, т. I-III в 6-ти частях, Москва 1989 (сокр.: СС); М. Фасмер, *Этимологический словарь русского языка*, т. I-IV, Москва 1964-1973 (сокр.: СФ).

Въркочь и *warkocz*. У А. Брюкнера объяснение этого слова представляется туманным (Вг., 602). М. Фасмер отмечает, что слово является неясным (СФ., I, 351). В других словарях этих слов вообще нет (речь идет, конечно, только о словарях, которые использовались при написании данной статьи). Наиболее интересным здесь представляется слово *смокъ* – „дракон, змей”, в котором, по одной из версий, надо видеть связь со словом пресмыкаться (СС, III, 1, 444, 447). Тогда общий корень будет *смок* – *смык* – „ползающий”. По другой версии, *смок* связано со *смок-тать* – „тянуть, сосать” (Вг., 503). По третьей версии, здесь надо видеть связь с англо-германскими словами (СФ., III, 689). Но для нас пока важно то, что это очень древний слой лексики, возможно, индоевропейского происхождения, в русском языке наиболее рано утраченный.

Все слова рассматриваемого утраченного фонда русского языка в *Словаре церковнославянского и русского языка* и в *Словаре В. Даля* имеют пометы „старинное” или „церковное”, то есть, к XIX веку они все уже находились на периферии лексической системы русского языка. У И. Срезневского таких помет нет, конечно, хотя его *Словарь* содержит языковые факты по XVII век включительно, то есть охватывает эпоху не только древнерусского, но и старорусского языка.

Рассмотрим еще несколько слов: *бросквина*, *валка*, *врѣти*, *гоить*, *кустода*, *мурин*, *объльй*. Что собой представляют эти слова с исторической точки зрения?

Польское *brzoskwinia* – „персик”, русское *бросквина* – „персик”. А. Брюкнер отмечает, что в этой лексеме совместились фактически два названия: *brzoskwinia* – „персик” и *brzoskiew* – сорт „красной капусты” (Вг., 45). А. Брюкнер с целым рядом других ученых, а за ними и М. Фасмер, считают, что это слово через немецкий язык восходит к латинскому и далее к греческому „мэлон пэрсикон” – „персидское яблоко”. У восточных славян, по мнению М. Фасмера, *бросквина* – это заимствование из польского языка (СФ., I, 218).

Нам представляется заманчивым соединить происхождение слов *бросквина*, *brzoskwinia* – „персик” и *brzoskiew* – „красная капуста” с глаголом *broczyć* – „истекать кровью”. Среди утраченных слов русского языка есть *брощение* – „краснота, червленость”, *брощити* – „красить в красный цвет, червенить”, *броць* – „червень, красная краска, пурпур” (СС, I, 1, 180, 181). Слово *броць* – общеславянское, отмечается оно и в староцерковнославянском языке. Очень удачно здесь можно совместить и древнее корневое чередование СК // Щ: *броск* – *брощ*. В таком случае *бросквина* – это красноватый, окрашенный красным плод (как и название капусты именно красного цвета в польском языке).

Польские слова *walka, walczyć* – „бороться”. В *Словаре* И. Срезневского указываются слова *валка* – „война” и *вальчити* „воевать” (СС., I, 1, 225, 226). *Академический словарь...* с пометой „старинное” указывает значение „война” для слова *валка*. Другое, новое значение здесь – „рубка деревьев” (СЦСРЯ, I, 204). В *Словаре* В. И. Даля этого слова нет. Второе значение – „рубка деревьев” – позволяет предположить, что произошло совмещение значения этого слова с глаголом *валить*. В современном польском языке существуют как самостоятельные глагол *walczyć* и глагол *walić* (последний включает 10 значений, является словом с большим семантическим полем). А. Брюкнер, кстати, совмещает слова *walka, walczyć* и *walić, rozwalić + walać się, walenie, walać* и множество других слов, которые сводятся к корню *wal* (Вг., 599, 600). М. Фасмер, правда, в словарной статье о корне *вал* – *валить* не указывает польских *walka, walczyć*, что, конечно, не дает оснований для каких-то категорических утверждений.

Польские *wrzec, wrzątek* – „кипеть”, „кипяток” и русское *врѣти*. В СЦСРЯ и у В. Даля древний глагол *врѣти* представлен в виде *врѣять* – „кипеть, пениться, бить ключом” (СЦСРЯ, I, 361; СД, I, 262). Польское *wrzec* фактически идентично древнему русскому *врѣти*. А. Брюкнер и М. Фасмер отмечают, что этот глагол содержит тот же корень, что и глагол *варить*. У И. Срезневского есть еще слово *врутець* – „родник, ключ”, которое М. Фасмер относит к той же лексико-семантической группе слов (Вг., 633; Ф., I, 362; СС, I, 1, 316).

Польское *goić się* – „заживлять, заживляться” имеет массу производных, но все они связаны фактически с одним значением. Современному русскому человеку глагол *гойть* неизвестен, кроме, возможно, знакомого еще со школьной скамьи выражения из былин и сказок: *гой еси*, добрый молодец! И это *гой* является сейчас абсолютно непонятной формой. И. Срезневский отмечает для слова *гой* значение „мир, спокойствие”, *гоило* – „успокоение, укрепление”, *гойть* – „живить”, *огойти* – „пробуждать к жизни” (СС, I, 1 541). Сюда же относятся *изгойти* и книжное сейчас, но, тем не менее, сохранившееся слово *изгой*. Можно предположить, что выражение *гой еси!* означало „мир тебе! будь здоров!”.

В русских говорах глагол *гойть* получил очень широкое распространение. В. Даль отмечает его в северных, в сибирских, в южных и в западных говорах, причем с самыми различными дополнительными значениями, которые наслоились на древние (СД, I, 366). М. Фасмер почему-то к слову *гойть* дает как общеславянское значение „ухаживать, откармливать”, хотя такое значение присуще этому слову, скорее, в южнославянских языках, но не в западных

и не в восточнославянских. В. Даль, например, из множества значений, присущих этому слову в говорах, не дает ни одного типа „ухаживать, откармливать”, хотя имплицитно и здесь угадывается подсема, являющаяся основной, фоновой для всех вариантов: „исцеление, выздоровление”.

Польское *kustosz* – русское *кустода*, *кустоδια*. В *Словаре* В. Даля такого слова нет. Оно фиксируется у И. Срезневского и в исследуемом СЦСРЯ. Почему этого слова нет у В. Даля – понятно. Слово это сугубо книжное, не свойственное обычной, живой русской речи, которую фиксировал В. Даль. Современному носителю русского языка это слово может быть знакомо только по фамилии известного художника Кустодиева. *Кустос*, *кустодис* – это греческое по происхождению слово со значением „стражник, сторож”. Ведущее значение слова *kustosz* в современном польском языке – „хранитель” (музея, библиотеки). В древнерусском языке слово *кустоδια* имело два значения: 1) охранник (а по СЦСРЯ – даже отряд воинов, стража, караул, то есть, значение стало собирательным), 2) крышка на восковых печатях, служащая для сохранения изображения (СС, I, 2, 1381; СЦСРЯ, II, 501). Второе значение, как видим, возникло за счет метонимического переноса на базе основного значения.

И, наконец, еще два очень интересных слова, которые сохраняются современным польским языком: *murzyn* – „негр” и *obły* – „овальный, округлый”.

Слова *murzyn*, *murzynek* в современном польском языке получили широкую сферу употребления, обозначая не только собственно негра, но и вороную лошадь, и сорт клубники, и крепкий черный кофе, и т.д. (БПРС, I, 468). Если прочесть это слово по-русски, с заменой [gz] исконным мягким [p’], то получим *мурин*. Слова *мурин*, *мюрин* в древнерусском языке обозначали беса, нечистую силу. В *Житии Нифонта* XIII века *муринь* – это даже не просто бес, а старший над бесами (СС, II, 1, 195).

СЦСРЯ с пометой „церковное” указывает, что *мурин* – это арап, негр (СЦСРЯ, III, 695). В. Даль добавляет, что это вообще темнокожий человек. Он приводит еще интересное ботаническое название: *муринская трава* – „эфиопский шалфей” (СД, II, 360), где определение *эфиопский* указывает на свою связь с *мурином*.

Слово *мурин* является древнейшим славянским заимствованием слова *мавр*, но, как указывает М. Фасмер, не непосредственно из латинского *taurus*, а из древневерхненемецкого *tor*, откуда *мурин* (Ф., III, 13). Но, возможно, здесь отразилась и древняя монофтонгизация на славянской почве дифтонга [AU], который в дальнейшем, в более позднем заимствовании этого слова, сохранился

в виде [АВ]: *мавр.* Толкование А. Брюкнером слова *мурава* наводит на мысль о связи этого слова с корнем *мур-*, представленным в слове *мурин* (Вг., 348).

И, наконец, слово *obly*. Современному русскому человеку это слово в какой-то мере известно разве лишь по знаменитому эпиграфу из Тредиаковского к *Путешествию из Петербурга в Москву* А. Радищева: „чудище... обло, огромно, стозевно и лаия”.

В древнерусском языке словообразовательное поле этой лексемы было достаточно обширным: *объло* – „шар”; *объльство*, *обельство* – „округлость”; *объловидный* – „шарообразный”; *обълый* – 1) круглый, 2) полный, совершенный (типа современного *круглый сирота*); *объль* – „вполне, совершенно”; *объль* – „вокруг”; *въобьлити* – „округлить” (СС, II, 1, 577). М. Фасмер предполагал, что и слово *вобла* относится к этой же группе (Ф., III, 103). *Академический словарь* с пометой „старинное” добавляет новые значения к этому слову: *обълый* – „толстый, неуклюжий”; *обълость* – 1) тучность, полнота и 2) выпуклость обрабатываемого каменного изделия (СЦСРЯ, III, 38). У В. Даля есть еще слово *обель* (с пометой „старинное”) – „круглый холоп”, т.е. находящийся в полной зависимости; *обловатый* – „закругленный”; *обляк* – „круглое полено, чурбан” (СД, II, 598).

Мы, таким образом, рассмотрели, что собой представляли некоторые из утраченных слов русского языка, общих с современными польскими словами. Можно предположить, что в утраченном слое лексики, как в зеркале, отражается фактически вся история формирования славянской лексики. Слова являются разнородными по происхождению, по времени появления в языке, по времени исчезновения из языка. Большинство слов являются общеславянскими, но достаточно много и заимствований (из греческого языка, из западных языков, из тюркских... В частности, тюркизмами являются упомянутые выше *алтабас* – *altembas*, *кончар* – *konczg*). Некоторые слова утратились очень рано в русском языке, но большинство слов этого слоя продержалось до XIX века и частично сохраняется в говорах до сих пор. Следовательно, можно говорить о сохранении родства, но на несколько смещенном уровне: „литературный язык – говоры”. Отдельные слова сохраняют связь на уровне „говоры – говоры”. Например, польские слова *кумтр*, *кумтра* – „кум, кума” имеют помету „областное”. В *Словаре церковнославянского и русского языков* *кумтр*, *кумтрство* – „кум, кумовство” имеют помету „старинное”. А у В. Даля наряду с пометой „старинное” есть еще отметка о сохранении этого слова в рязанских говорах.

Рассматриваемые слова утраченного слоя родства в большинстве случаев не представляют собой абсолютную утрату, полное исчезновение из языка как таковое. Обычно такие лексемы совмещаются с лексемами скрытого слоя родства, выходят из нижних слоев лексической системы наверх к открытому фонду в каких-то своих производных. Поэтому далеко не всегда бывает легко определить, куда же отнести то или иное слово. Например, в древнерусском языке И. Срезневский отмечает слово *жълвь*, *желвь* со значением „черепаша”. Естественно сразу вспомнить польское *żółw* – „черепаша”. Куда отнести древнерусское слово? Наверное, к утраченному фонду лексики. Но СЦСРЯ дает *желвь*, *желва*, *желвакъ*, причем *желвь* имеет два значения: 1) „церковное” – черепаша; 2) мозоль, желвак (СЦСРЯ, I, 836). Исконная, генетическая сема оказывается здесь выраженной имплицитно: „какое-то твердое, жестокое круглое образование”. Значит, слово *жълвь* (*желвь*) в таком случае мы должны относить к скрытому родству: польское *żółw* – русское современное *желвак*.

Выше упоминавшееся слово *клейнот* (*клейнод*) мы отнесли к утраченному родству, потому что утратилось слово и обозначаемые им реалии. Слово это можно рассматривать как историзм в современном русском языке. Но, с другой стороны, древнерусский язык объясняет, что слова *клейно*, *клейнот*, *клеймо* первоначально употреблялись как равнозначные варианты одной лексемы (СС, I, 2, 1217). В конечном итоге оказывается, что польское *klejnot* и русское *клеймо* являются родственными и, следовательно, их нужно отнести к скрытому родству. Грани между выделяемыми слоями лексики оказываются, таким образом, нечеткими, размытыми, взаимопроницаемыми.

Фактически все заимствованные слова, слова общеславянского происхождения, можно, наверное, свести к скрытому лексическому родству. Проблема, следовательно, состоит в большей или меньшей степени скрытости. И вот в этом широко понимаемом скрытом слое как внутриязыкового, так и межъязыкового родства можно фиксировать отдельные обрывающиеся, утрачивающиеся лексемы и даже целые лексико-семантические группы.

Как происходило историческое развитие семантической структуры таких слов и таких групп слов в русском и в польском языках? Почему в польском языке они сохраняются, а в русском утратились? Что этому способствовало? Чтобы ответить на эти вопросы, нужно детально рассматривать историю каждой отдельной группы слов. А потом уже, может быть, удастся выявить какие-то закономерности. Кроме того, как нам кажется, сюда надо привлечь и проблему синонимии. Большинство слов, которые утратились в русском языке, были просто заменены другими.

Возникает еще один вопрос: а был ли противоположный процесс? То есть, мы сейчас говорим только об утраченном родстве русского и польского языков с русской стороны. А есть ли слова в современном русском, которые когда-то были и в польском, но сейчас утрачены? Ответ на этот и другие вопросы – дело будущего исследования.